

«Современное искусство либо иронично, либо умно»

Британский архитектор Дэвид Чипперфильд рассказал о кризисных перспективах архитектуры и своем последнем проекте в России.

Дэвид Чипперфильд родился в 1953 году в Лондоне. После завершения учебы в Архитектурной Ассоциации (1977) работал у Дугласа Стивена, Ричарда Роджерса, Нормана Фостера. В 1984 году основал бюро David Chipperfield Architects, которое сегодня имеет свои отделения в Лондоне, Берлине, Милане и Шанхае.

В 1999 году спроектированное им здание River and Rowing Museum в британском Хэнли-на-Темзе было признано постройкой года. В 2000 году он представлял Великобританию на Венецианской архитектурной биеннале. К числу наиболее известных его проектов относится Figge Art Museum в Давенпорте (США) и Neues Museum в Берлине.

Участвовал в конкурсе на создание "Набережной Европы" в Санкт-Петербурге, создал проект реконструкции текстильной фабрики "Красное Знамя" и разработал мастер-план развития ее территории, получивший высокую оценку критиков и специалистов, занимающихся охраной культурного наследия города.

В 1993 году удостоен Andrea Palladio Prize, в 1999 году — Heinrich Tessenow Gold Medal, в 2007 году — RIBA Sterling Prize. Победитель 40 международных и национальных конкурсов.

"Все бумы завершились!"

— **Как отразился мировой финансовый кризис на архитектуре? Ощущаете ли вы какие-то изменения?**

— Кризис изменит в первую очередь сознание людей, причем всех без исключения. Я уверен, что архитектура изменится даже физически, ее количество уменьшится. Отношение к слишком экстравагантной архитектуре, которую мы наблюдали в последние годы, будет пересмотрено. Я не думаю, что это относится ко всем знаковым сооружениям, но судьба здания, которое стоит на 50% дороже обычного, окажется под угрозой.

— **То есть вы считаете, что эпоха знаковых зданий завершилась? Я имею в виду здания типа Музея Гуггенхайма в Бильбао, которое существенно изменило представление об архитектуре.**

— Знаковые здания требуют больших затрат. Будем откровенны, политики последние 10-15 лет нуждались в знаковой архитектуре. Если перед вами два проекта — один спокойный и ясный, а другой может попасть на обложки газет и журналов, понятно, какой выберут. Иногда это правильный выбор, иногда — нет. То, что создавалось в последние 10-15 лет, будь то офисные здания или жилые дома, было слишком рекламными проектами.

— **Вы имеете в виду "эффект Бильбао"?**

— У Бильбао была экстенсивная программа развития. Фрэнк Гери дал ему нечто вроде вишенки на торте. Но при этом мы должны помнить о том, что в подобной архитектуре много эксперимента, экспериментальности, экспериментирования формой. Больше, чем чего-либо другого. Эта архитектура не была радикальной. Сравните Музей Гуггенхайма в Бильбао и Центр Помпиду в Париже, который был действительно радикальным зданием в смысле его устройства, связи с публикой. Музей в Бильбао — замечательная форма, но она не изменила концепцию музея как такового. В этом смысле это здание вполне традиционно. И очень прямолинейно не в смысле формы, а в смысле содержания. Есть здания, которые имеют радикальный вид, но в действительности не имеют радикальной функции.

— А вообще, как вам кажется, музейный бум завершился?

— Все бумы завершились! Я не думаю, что мы еще увидим такие экспансионистские программы, какие наблюдали в последние годы. Музейный бум завершился по ряду причин. В Америке, например, богатые люди имели возможность патронировать культуру, сама позиция мецената возвышала социальный статус. И в этом смысле возможности уменьшились просто потому, что денег стало меньше.

"Мы не можем оценивать работу архитектора рыночными категориями"

— **Что касается вашего собственного опыта, вы успели завершить реконструкцию Нового музея в Берлине. Вы довольны результатом?**

— Я никогда не бываю полностью удовлетворен результатом, никогда не могу сказать, что все сделано правильно. Концепция была очень радикальной и поначалу встретила критику. Но в результате она была принята и прессой, и публикой. В течение трех дней 35 тыс. человек пришли посмотреть на здание, они отстояли в очереди четыре часа, чтобы войти в него. В этом смысле я удовлетворен.

— **Но история показывает, что публика не всегда права, и здания, которыми восторгались их современники, сегодня не имеют особой ценности, а некоторые, наоборот, лишь со временем получили признание.**

— Мы не можем оценивать работу архитектора рыночными категориями. Мы должны иметь независимую позицию, не бояться критики. Все хотят, чтобы люди восхищались их работой, любили их, но иногда лучше, чтобы тебя ненавидели! Архитекторам часто говорят: это то, чего хотят люди. Я презираю такой подход. Откуда известно, чего люди хотят, а чего не хотят? Подобные формулировки слишком часто используются в борьбе с новыми идеями. Разве не более важно и ценно, когда люди любят то, что вы сделали, хотя вы и не старались специально им понравиться.

— **В последние годы западные архитекторы устремились на Восток — в Китай и Россию. Что ведет их туда, исключительно заказы или есть еще какие-то обстоятельства?**

— Деньги. Здесь есть желание и возможности создавать. Обе страны быстро развиваются. Меняются системы, люди нуждаются в правильных решениях, им хочется получить международное признание.

— **Россия расположена между Востоком и Западом. Как вы воспринимаете Россию — как часть европейской цивилизации или восточной культуры?**

— Хотя в ее родословной есть и то и другое, она гораздо ближе к Западу. Были периоды изоляции, но с точки зрения культуры ее художественное и архитектурное развитие всегда было связано с Западом. В Петербурге, к примеру, мы видим архитектурные элементы, свойственные европейским городам. С другой стороны, организация пространства, масштаб улиц и площадей совсем другие. В больших европейских городах во Франции, Испании, Италии есть что-то похожее, но, когда вы приезжаете сюда, видите совсем другое отношение к пространству.

— **Петербург создавался как первый европейский город России, как часть плана европеизации России. Сейчас, когда вы работаете в России, ощущаете ли вы себя частью глобального плана изменения образа страны, направленного на демонстрацию ее открытости и ее возможностей?**

— Не совсем. Экономическая глобализация должна была помочь взаимообогащению культур, но, я думаю, кризис многое изменит. Глобализация оказалась под вопросом, и мы, наоборот, начинаем закрываться друг от друга. Тенденция приглашать специалистов из других стран ощутимо замедлится. В последние годы все тяготело к большим проектам. А кто сейчас настроен оптимистично в отношении больших проектов? Я думаю, иногда лучше работать над маленьким домом, чем над большим районом. Небольшое здание высокого качества может оказать влияние на целый город.

"Конкурсы никогда не гарантируют правильный результат"

— **В Петербурге прошло несколько международных конкурсов с участием лучших архитекторов мира, но ни один из них не дал в итоге впечатляющих результатов. Что вы думаете об идее конкурсов как таковых?**

— Я по-прежнему думаю, что конкурсная система — лучшее из всего, что нам известно. Она должна быть хорошо продумана, должна быть честной и результативной. Конкурсы никогда не гарантируют правильный результат, но эта система предполагает открытое обсуждение проектов, тем она и хороша. Вопрос в том, заказной это конкурс или открытый, кто приглашен, кто в жюри, как отбирается победитель. В жюри должно

быть достаточно профессионалов, ведь понимание проекта требует определенного профессионализма. Повсюду свои правила. В Италии, например, конкурсная система весьма сомнительна, поэтому не приводит к хорошим результатам. В Германии, Швейцарии, Испании, Австрии, Голландии она очень хорошо организована, очень профессиональна, не коррумпирована. В Англии у нас чудовищная конкурсная система. Она не работает совсем, потому что все решают в основном политики.

— **Как мне кажется, политики воспринимают архитектурные конкурсы как игру. К примеру, "Газпром" организовал конкурс проектов гигантской башни в Петербурге, в котором участвовали многие выдающиеся архитекторы. В результате выбрали самый, на мой взгляд, неудачный проект. И все оказались в дураках, в первую очередь архитекторы, которые согласились участвовать в этой ярмарке тщеславия.**

— Это опасная игра, особенно когда трудно понять ее правила. В хорошем конкурсе должны быть критерии, они дают людям шанс. Сейчас в Петербурге мы участвовали в конкурсе, решение по которому принималось в ходе двадцатиминутной дискуссии. Это крайне мало! Я был в составе многих жюри. Поверьте, когда система работает, это фантастика! Если вы правильно ведете групповую дискуссию, она занимает день или два. Потому что в ходе этой дискуссии вырабатываются критерии, которыми жюри затем руководствуется. Потом вы иногда понимаете: "это был не мой фаворит, но как часть группы я должен признать, что это единственно правильное решение". Как вы можете провести дискуссию в течение 20 минут, как вы можете рассчитывать на впечатляющий результат, когда политика на первом месте, когда жюри на 80% состоит из политиков?

— **Тем не менее советские конкурсы, в которых участвовали известные западные архитекторы, такие как Ле Корбюзье (здание Центросоюза в Москве) и Эрик Мендельсон (фабрика "Красное Знамя" в Ленинграде), были инициированы партийными боссами, однако этот контекст тогда никого не смущал. Хотя, конечно, оба были не удовлетворены результатом. Не смущает ли вас опыт ваших предшественников?**

— Всегда трудно понять, как работать в другой стране. К примеру, немецкая система защищает вас в том смысле, что вы понимаете последовательность шагов. Кажется, Россия намного более уязвима в смысле условий работы, организации и профессионализма. То же относится к Мексике или Китаю. Но я считаю, что и в Америке строить сложно. Это не вопрос качества конечного продукта, это вопрос процесса.

Вы не можете повесить на дверь своего здания табличку, на которой написано, что у вас был плохой подрядчик, да и заказчик был не слишком симпатичный. Вы это можете сказать друзьям. Здесь нет никаких оправданий — вы завершили строительство, и все должны верить, что получилось именно то, что вы хотели.

"Это очень риторическая архитектура"

— **Ваше бюро разработало несколько проектов для России. Какой из них вы можете назвать наиболее перспективным?**

— Я уже не раз приезжал в Россию. Так случилось, что в Москве я принял участие в спасении гаража, построенного архитектором Константином Мельниковым. Мы работали над этим проектом в течение года. Недавно мы закончили проект реконструкции фабрики "Красное Знамя" в Петербурге. Там есть впечатляющее здание, построенное выдающимся архитектором Эриком Мендельсоном. Вопрос в том, как использовать это здание в будущем. Потому что здание в очень плохом состоянии, и, по сути, его нужно возрождать из руин. Но его мало просто возродить — ему надо дать правильную функцию, что гораздо сложнее. Это не может быть офисным зданием или торговым центром. Мы должны найти правильное соотношение коммерческой и культурной составляющей.

— **Но руины иногда производят сильное впечатление. Может, сохранить их как монумент?**

— Я думаю, бетонные конструкции редко превращаются в романтические руины. Но здесь некоторый романтизм есть. В каком-то смысле фабрика "Красное Знамя" — это знаковое здание. Это очень риторическая архитектура, начало модернизма. Фабрика стала образом нового общества. В этом ее мощь. Меня поражает, что русские нашли и выбрали правильного архитектора, способного создать символ новой русской революции. И он дал городу в некотором смысле сценографический объект, ставший эмблемой нового мира. Фабрика, которая до революции была символом угнетения рабочего класса, в процессе модернизации превращалась в идеальное место для работы и созидания. В этом выразился идеализм того времени.

— **Как вы предполагаете развивать территорию фабрики?**

— Мы нашли взаимопонимание с нынешним владельцем Игорем Бурдинским (Бизнесмен Игорь Бурдинский

является владельцем комплекса сооружений фабрики "Красное Знамя", входящего в зону перспективного развития Петроградского района Санкт-Петербурга, с 2006 года — "Власть"). Там должно быть нечто притягательное для жителей города, чтобы они приезжали в кафе, в магазины, на выставки. Если вы приезжаете и останавливаетесь в необычной гостинице, которая расположена рядом с местом, как-то связанным с культурой и историей, это фантастика! Это гораздо интереснее, чем остановиться в гостинице Four Seasons и спрашивать консьержа, где поесть, куда пойти на концерт и где купить билеты. То есть здесь должен быть пятизвездочный отель и крупный культурный центр, связанный с городом. Если все будет правильно работать, то мы сможем найти финансовую модель.

— **Что для вас красное знамя в широком смысле? Как совмещается идея красного знамени с идеей пятизвездочной гостиницы?**

— С точки зрения архитектуры этот период был очень романтизирован русскими конструктивистами. С исторической дистанции я восторгаюсь экспериментами русских художников того времени. В прошлом году на выставке в Королевской академии художеств в Лондоне никто не смог устоять перед абстракциями Малевича. Они висели таким образом, что, покидая выставку, это было последнее, что вы видели.

— **Русский авангард — это клише или действительная ценность?**

— В последние годы стало очень трудно понять, где ирония, а где подлинное чувство. Сейчас сложно реагировать на искусство эмоционально. Современное искусство либо иронично, либо умно. Вам, что, действительно нравятся работы Дэмиена Херста? Вы ведь их не можете полюбить. В конце концов, вы можете сказать лишь, что это умно.

— **Но его акула в формалине нашла покупателя.**

— Это подмена понятий: если люди покупают, значит, это должно быть хорошо, если люди тратят столько денег, это обязательно хорошо. Способ оценки изменится в самое ближайшее время.

Автор: Семен Михайловский © Коммерсантъ-Власть КУЛЬТУРА, РОССИЯ 👁 8385 25.03.2009, 19:22 📌 598
URL: <https://babr24.com/?ADE=76282> Bytes: 14018 / 13726 [Версия для печати](#)

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)